

ЗОЛОТОЙ ВЕК КОНОПЛИ

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

г. Орёл

В среднерусской полосе в старое время и возле села, и на околице деревни располагались конопляники. Они были подобны крепостным стенам, окружающим древние города. Только в сельской местности вместо каменной стены стояла высоченная конопля. Ей на роду было написано быть домоседкой, соседкой человеческого жилья. Причин тому несколько. Во-первых, конопля требовала огромного количества удобрений, – на чём бы крестьянин возил навоз на дальнее поле? Во-вторых, конопля не любит ветра, её волокно теряет в качестве из-за этого, – потому и был конопляник прикрыт сараем, гумном и вдобавок специальной оградой. В-третьих, чтобы сберечь зреющее семя от налётов птиц, конопляник надо было не терять из виду, сторожить: занимались обычно этим дряхлые старики, которым уже не хватило бы сил куда-то идти. И, наконец, уборка и обработка конопли требовала немало труда, – а возле дома проще было выкроить время на дело.

Но конопля славилась и необычайной отзывчивостью на труд. Так как она имеет женские и мужские особи, сырьё из них предназначалось для самых разных крестьянских надобностей: трудно даже просто перечислить весь этот круг. Посконь (волокно мужских растений) служила основой для более тонкой ровной ткани, из неё делали праздничную одежду, полотенца на все случаи: от свадеб до похорон и т.д., занавески, простыни, детские пеленки, одеяла, платки, портянки, скатерти и даже кружева! Фактически посконь выполняла ту же роль, что и лён, только пеньковые полотнища считались прочнее льняных.

Во многих местах существовал обычай класть младенца после крещения на полутораметровый кусок холста, который становился своеобразным талисманом. По-разному использовали эту ткань. В одних деревнях было принято сшить из неё одежду для ребёнка – и надо было непременно износить её до дыр. В других селениях, когда ребёнок вырос, ткань использовали ему на свадебные рушники. В третьих – для девушки шили из сохранённого холста наволочку (чтобы ей хорошо жилось замужем), для парня – сумку и онучи (чтобы после службы в армии вернулся домой).

Из матерки (она грубее) ткали ткань для мешков (чувалов, кулей и т.д. – все виды мешков для разных грузов просто трудно перечислить), фартуков, попон для лошадей, сумок. На прядильнях в городах делали парусину.

И хотя лучшими, самыми прочными верёвками считались посконные, немало видов подобных изделий вили из матерки. Это и нити для рыбацких сетей, неводов, вентерей. Это и всевозможные верёвки: от очень тонких (шпагат, бечёвка) до самых мощных (вожжи, канаты).

Бросовые отходы обработки конопли – пакля – служили незаменимым средством для прокладки брёвен в срубах, заделывания щелей в деревянных лодках и кораблях посолиднее. Само слово «конопатить» явно указывает на свое конопляное происхождение. Из тех же отходов крестьяне плели подстилки, дерюги, лапти. Из пакли можно было сделать фитиль для свечи, лампы или иного светильника. Зелёную коноплю использовали против клопов – она отпугивала насекомых своим запахом.

Семя служило прекрасным кормом для птиц. Да и люди в голодный год считали его за лакомство: толкли, жарили, приберегали для детей. Например, в столице конопляного края Дмитровске «масленки» делали только по великим праздникам: сэкономили.

А получаемое из семени масло использовали в пищу, как приправу для самых разных блюд в постные дни (таковых было более чем достаточно). Считалось, что кто отведает конопляного масла, тому и мясо уже ни к чему: «Пальчики оближешь, чего уж веселей в пост!» (и действительно, по своей белковой ценности семя конопли не уступает мясу).

Масло годилось и для лампад, светильников, из него делали высококачественное жидкое мыло, олифу, которая шла и на росписи икон. Можно использовать масло и для консервирования. Разработчик так называемой «торцовой» мостовой (использовалась в Санкт-Петербурге в 1820-е) В.П. Гурьев в качестве материала для мощения дорог использовал бруски дерева, пропитанные кипящим конопляным маслом: «тогда они приобретают железную твердость и, высушенные, превращаются в сухарь, подобный камню...» Конопляная олифа была основой различных мастик, шпатлёвок и т.д. Масло крестьянин непременно припасал и как средство от хворей – можно было поставить компресс, растереться, смазать больное место. Маслом намазывали голову, чтобы избавиться от вшей, а ароматный конопляный жмых шёл на откорм скоту...

Таким образом, у конопли не оказывалось абсолютно никаких отходов (кстати, к актуальному вопросу о безотходных технологиях и экологии...) Даже совсем никчемные остатки использовались на постилку в курятниках, их засыпали между стен для утепления, вывозили в огород для смягчения почвы. Костру сжигали, чтобы получить щёлок для отбеливания тех же холстов. И даже из листьев конопли, добавляя квас, делали зелёную краску для тканей.

И мылились пеньковой мочалкой, и крест на груди держался на нитке из конопли. К этому надо добавить, что волокно конопли можно было продать не только обычному шибаяу, но и скупщику с бумажной фабрики (была, например, в Елецком уезде). Ведь изношенные паруса и канаты ещё с незапамятной древности были сырьем для производства бумаги в Индии и на Ближнем Востоке. Да и вся Европа делала бумагу исключительно из льняного и пенькового сырья вплоть до середины 19 века, когда начали использовать на эти цели древесную целлюлозу.

Конопля и крестьянский мир были неразделимы. Не случайно писал из села Льгов в Орел в 1895 году местный исследователь крестьянской жизни по фамилии Гражданский:

«Крестьяне имеют по 560 квадратных саженой (сто две сотки) конопляника на ревизскую душу. Вся эта площадь вокруг села всегда засеивается коноплюю. Ею они живут: осенью платят подати и долги, собирают рекрутов, женят детей, весной, продавши пеньку, покупают хлеб на продовольствие, так как у 90% хлеба не хватает до новины, а на остаток пьют водку».

* * *

А ведь конопля, столь прижившаяся на русских полях и занимавшая здесь едва ли не половину мировых посевов, не была местной уроженкой. Родом она из центральной и западной Азии. Упоминается она и Конфуцием, жившим в середине первого тысячелетия до нашей эры. Уже более тысячи лет древней японской песенке:

Пока не блеснёт роса
На молодых ростках конопли,
Я не покину тебя...

Неизвестно, когда конопля появилась в наших землях. С появлением письменных источников мы начинаем встречать упоминание о конопле в княжих уставах 12 века, а еще... в сказках. К примеру, легендарный герой Киевской Руси Никита Кожемяка так готовился к битве с трёхговым змеем: «Взял он триста пудов пеньки, насолил смолой да и обвертелся весь: такой бронёй окутался, что ни мечом просечь, ни змеиным зубом не перекусить».

Одно из первых упоминаний о конопле в нашем крае – свидетельство Павла Алепского, который в 1654 году проезжал тут, и отмечал, что выращивают коноплю и на волокно, и на масло...

По свидетельству Д. Флетчера, во второй половине 16 века только на Нарвской пристани нагружалось русской пенькой до ста больших и малых судов – в Европе это сырьё из Московии использовалось для изготовления верёвок, канатов, заделки пазов в срубах и т.д.

Любопытная история, произошедшая в деревне Чертовичи под Брянском, описана в интереснейшей книге В.П. Алексеева «Брянские люди», открывает нам в своем контексте кое-какие страницы «конопляного мира».

* * *

Выращивание и переработка этой культуры (а землю под коноплю разве через сито не просеивали) имели массу своих секретов, не записанных ни в каких учебниках. Во время ненастья женщины приговаривали: «Господи, не бей наши поскони, а льны да конопли хоть все прими!»

С 3–5 июня начинали сеять лён и коноплю. Селяне примечали: «На рябине обильный цвет – быть урожайной конопле», «В июне роса – конопли полоса». Крестьяне были уверены, что после урожая на конопляное семя родится рожь.

Наступление времени уборки поскони определяли по признакам: пожелтение стебля, сильный запах и сбивается пыль с цветков, отлёт пыльцы, при выборке стебли не рвутся, крепнет рубашка. Временем начала мочки конопли, сушки и мятия льна обычно было 1 сентября по старому стилю, именно эта дата, когда в допетровскую

пору начинался отсчёт нового года, когда заканчивались все торговые и хозяйственные сделки. Мочка конопли означала для крестьянина начало нового сезона. Признаки окончания мочки были следующие: рубашка отстаёт от стебля, пенька опускается на дно, и когда вытаскивают сноп, вода, сбегая с него, поёт соловьём, на поверхности воды появляются похожие на масло блёстки. Самым надёжным признаком служила обыкновенная пробная обработка вымоченной конопли.

Если обобщить все эти большие и малые секреты, получится целый учебник. Но в том-то и заключалась загвоздка, что никакого учебника не было. Знатоки конопли в селах обычно были старики, которые секреты посева (а надо было из горсти равномерно, с расчетом на получение либо волокна, либо семян на масло, разбросать легчайшие мелкие семена), секреты выращивания, обработки этой культуры иной раз уносили с собой в могилу.

Не случайно земский статистик и литератор Иван Белоконский, побывавший в районе Мальцевских заводов на стыке Орловской и Калужской губерний, упоминая о возникшей здесь в 1873 году латышской колонии, подчеркнул, что прибалты выращивают практически все культуры, исключая коноплю...

* * *

Конопля в значительной степени считалась «женской» культурой. Чуть ли не первой заботой мужа было то, чтобы жена без рукоделия не осталась ни на час. Без веретя, например, не выдавали замуж. Искусная пряжа могла за день навить на веретено более 200 метров нити.

Не разрешалось прясть по пятницам, а в Воронежской губернии в пятницу запрещалось не только прясть, но и вообще иметь дома коноплю. В Курской губернии запрещалось белить холсты в первый четверг после Троицы.

С 15 ноября в деревнях обминали коноплю и лён. Ткали обычно осенью с 18 октября, а потом, накануне весны, на протяжении шести недель после Масленицы. Была и другая дата – 14 марта, когда женщины серьёзно брались за ткачество и безотрывно занимались им до посевной.